

**ПОДДЕЛЬНАЯ ДОКИРИЛЛИЧЕСКАЯ РУКОПИСЬ
(К вопросу о методе определения подделок)¹**

<<О т р е д а к ц и и журнала «Вопросы языкознания». Как сообщает в своей книге «История „руссов” в неизвращенном виде» (вып. 6, Париж, 1957) Сергей Лесной (С. Парамонов), в 1919 г. А. Изенбек вывез из какого-то имения Орловской или Курской губ. деревянные дощечки с текстом, по всей видимости славянским, получившие позднее название «Влесовой книги». После смерти А. Изенбека (1941 г.) дощечки были утеряны. Сохранилось лишь несколько фотографий и переписанный, вернее, транслитерированный текст «Влесовой книги», выполненный Ю. П. Миролюбовым. Этот текст в настоящее время издается в журнале «Жар-птица» (Сан-Франциско). В своих статьях «„Влесова книга” — летопись языческих жрецов IX в., новый, неисследованный исторический источник» и «Были ли древние „руссы” идолопоклонниками и приносили ли они человеческие жертвы», присланных в адрес Славянского комитета СССР из Австралии (г. Канберра), С. Лесной призывает специалистов признать важность изучения «дощечек Изенбека», в которых он видит подлинную древнерусскую рукопись IX в., не предлагая, впрочем, необходимого для обоснования подобного мнения палеографического и лингвистического анализа текста. Публикуем в разделе «Письма в редакцию» ответ Л. П. Жуковской на просьбу редакции высказать свое мнение относительно опубликованной С. Лесным («История „руссов”...», вып. 6) фотографии одной из «дощечек Изенбека», содержащей начало «Влесовой книги».>>

Здесь в данном предисловии редакции журнала «Вопросы языкознания» говорится: «текст в настоящее время издается» — имеется в виду именно начало 1960 годов, что составители рассматриваемого сборника почему-то никак не оговаривают. В начале данного предисловия дощечки поименованы «Влесовой книгой», но тут же следом, без каких бы то ни было объяснений, они упоминаются уже как ««дощечки Изенбека»», видимо, по принципу «своим и так понятно». Следом здесь говорится о «фотографии одной из «дощечек Изенбека», содержащей начало «Влесовой книги»». Здесь речь идет о дощечке 16а, но до сих пор неизвестно, начало ли то Влескниги.

В рассматриваемом сборнике приводится иллюстрация, изображение дощечки 16а, размером 8 × 19 см, качество которой по сравнению с тем же изображением, опубликованным в ВК 1990², заметно лучше, что, видимо, объясняется улучшившимся в последнее время качеством полиграфии. Свой анализ Л. П. Жуковская начинает именно с рассмотрения этого изображения.

Статья Л. П. Жуковской начинается так: <<Фотография, опубликованная С. Лесным, не является снимком с доски. В ней на расстоянии 2—2,5 см, 6,5 см, 10,5—11 см, 15,5 см от левого края прослеживаются тени, образовавшиеся, по-видимому, от сгибов материала, с которого производилось фотографирование. С доской этого произойти не могло. В правой половине снимка начертания многих букв расплылись; следовательно, фотографировался не твердый материал с начертаниями, выполненными посредством прорезывания и выщербления его, а письмо, расположенное в одной плоскости, нанесенное красящим веществом. Все это говорит о том, что фотографировалась не сама

¹ Статья была опубликована в 1960 году — 44 года назад (!). — *НС*.

² *Творогов О. В.* «Влесова книга» // Труды Отдела древнерусской литературы. Л., 1990. Т. 43. С. 170—254. — *НС*.

«дощечка», а бумажная копия с нее или прорись. Есть основания полагать, что при изготовлении снимка была произведена ретушовка. Все это совершенно недопустимо при научном воспроизведении текста.>>

Далее Л.П.Ж. пишет: <<Г р а ф и к а . Текст, изображенный на фотографии, написан алфавитом, близким к кириллице: помимо букв кириллицы, совпадающих с буквами греческого устава IX в., в графике «дощечки» имеются свойственные кириллице буквы **б, ж, з, ш, ц, ѣ, ѿ**. В отличие от кириллицы в графике «дощечки» отсутствуют буквы, обозначавшие носовые гласные, — **ѡ, ѣ, ѥ, ѧ**, буквы **к, ф³, ѳ⁴, ѡ, ѱ, ѣ⁵, ѱ**, а также имеются следующие особенности: буква **ч** отсутствует, ее заменяет буква **ц**, вследствие этого буква **ц** в «дощечке» соответствует двум кириллическим буквам — **ц** и **ч**; отсутствует буква **ю**, ее, видимо, заменяет сочетание **і** десятеричного с буквой **ѱ**; отсутствует кириллическое **н**, звук **н** передается буквой **и**, т. е. начертанием с горизонтальной, а не косой перекладиной; при этом звук **и** передается буквой **і**; отсутствуют буквы **ѣ, ѡ, ѱ**; из них букве **ѣ**, являющейся составной частью кириллической буквы **ѣ**, в рассматриваемом тексте соответствует буква **о** с небольшой развилкой вверху, вследствие чего она несколько напоминает кириллическую лигатуру **ѣ**; звук **у** при этом передается чаще буквой **ѱ**, реже — двубуквенным написанием **ѱѱ**; возможно, что некоторые буквы в виде **ѣ** (т. е. **о** с развилкой) обозначают также **у**; в тексте представлено два графических варианта для передачи звука **с** и два — для звука **е** (оба последние после согласных, а не **ј**).>>

Начиная свой анализ графики ВК, Л.П.Ж. пишет: “...отсутствуют буквы **ѣ, ѡ, ѱ**; из них букве **ѣ**, являющейся составной частью кириллической буквы **ѣ**, ... соответствует буква **о** с небольшой развилкой вверху, ... она ... напоминает кириллическую лигатуру **ѣ**; звук **у** при этом передается чаще буквой **ѱ**, реже — двубуквенным написанием **ѱѱ**; возможно, что некоторые буквы в виде **ѣ** (т. е. **о** с развилкой) обозначают также **у**...”. Отождествление ею **ѣ** (т.е., на самом деле, **ѣ**) как **ѣ** может быть объяснено именно тем, что буква **ѣ**, как подробнее об этом сказано в моей неопубликованной работе, входит в состав диграфа **ѣт**, означающего звук **ѣ**, что ей распознано верно, и уже из этого Л.П.Ж. делает вывод (либо делает вид, что приходит к этому выводу), что и в других случаях буква **ѣ** означает **ѣ** (**ѣ/ ѣ**). Кажется любопытным, что она не говорит об отсутствии буквы **о**, но и этому есть объяснение. Несмотря на то, что буква **ѣ** на изображении дощечки 16 действительно везде имеет вверху “небольшую развилку”, “развилка” эта в некоторых случаях так мала, что почти незаметна и, видимо, такие случаи и воспринимаются ею (или представляются) как **о**. Буква же влесовицы **ѣ** (**ѣ**) в тексте дощечки 16б и в самом деле отсутствует. В транскрипциях Ю.П. Миролюбова других текстов ВК эта буква встречается довольно часто.

Буквы, обозначающей звук “ф” в тексте дощечки 16б нет (считается, что в исконных словах древнерусского языка не было соответствующего звука). Но в транскрипциях других текстов «Влескниги», сделанных Ю.П. Миролюбовым, она есть, поэтому я

³ В данном сборнике ферт почему-то изображен с перечеркиванием верхней части вертикали, типа верхней малой перекладины у православного креста. В имеющихся шрифтах мне не удалось обнаружить подобный символ, как и не удалось догадаться, что это может обозначать; такой символ мне до сих пор не встречался (возможно, это — брак печати). — *НС*.

⁴ В данном сборнике фита почему-то обозначена малой греческой тэтой (θ) шрифта ttf Symbol, что здесь исправлено. — *НС*.

⁵ В данном сборнике зета (дзета) почему-то обозначена малой греческой кси (ξ) шрифта ttf Symbol, что здесь исправлено. — *НС*.

позволил себе ввести ее в азбуку «Влескниги», поместив ее на традиционном месте после Ч.

Отсутствие в тексте ВК греческих букв, введенные позже в состав церковницы, надеюсь, понятно, т.к. это — не христианский текст.

Далее Л.П.Ж. пишет в данном абзаце: “...буква ч отсутствует, ее заменяет буква ц”, которая, по ее мнению, “соответствует двум кириллическим буквам — ц и ч”. Во-первых, буква “ч” в ВК просто пишется несколько по-другому — џ. (Кстати, начертание буквы “ча” (𑀓𑀸) индийского письма деванагари практически идентично левой половине буквы “џ” влесовицы.) Попутно можно заметить, что графически “џ” влесовицы представляется также идентичным греческой букве ψ (“пси”). Во-вторых, буква “щ” во влесовице тоже есть, и тоже пишется несколько по-другому. В конце второй строки дощечки 16б, в слове Бѡѡ, последняя буква — именно “щ”, которая написана под углом к несущей линии (т.е. развернута по часовой стрелке на угол около 45°, по сравнению с ее более знакомыми, поздними вариантами начертания), с присоединением к несущей линии только первой вертикальной черты буквы. Хвостик ее помещен в обоих случаях, как и теперь, справа, а не по центру, как в средневековой церковнице. Подобное же начертание этой буквы встречается в двух фрагментах-прорисях исходного текста, выполненных Ю.П. Миролюбовым в его письме А.А. Куренкову, опубликованном А.И. Асовым в «Тайнах...» (С. 225) — и в обоих случаях Ю.П.М. пишет в своей транслитерации “ш” (!). Таким образом, в аналогичных местах опубликованного текста ВК (ВК 1990) вместо “ш” вполне возможно чтение “щ”. С другой стороны, в тексте дощечки 16б, приводимом в ВК 1990, в одиннадцати местах, где ясно прочитывается џ, напечатано “щ”, а в трех — даже “ш” (всего 14!). В-третьих, на самой дощечке 16б имеется три случая, где, как предполагается, должен быть звук “ш”, но написана буква ц, расположенная горизонтально, без разворота, и со средней линией явно пересекающей основание. Описка ли это древнего автора или результат ретуши при копировании текста, сейчас решить невозможно.

Далее Л.П.Ж. пишет здесь, что “в тексте представлено два графических варианта для передачи звука с и два — для звука е”. Действительно, один вариант буквы “с” более похож на латинское S или на германскую руну “зиг”. Другой более угловат и не имеет загибающегося нижнего хвостика. Аналогично и с двумя вариантами “е” — один угловат, другой — в виде более-менее плавного полуовала. Различия в их чтении, судя по контексту, не имеется.

Л.П.Ж. продолжает: <<В графике «дощечки» имеются знаки, которые отсутствуют в кириллице; из них лишь некоторые могут быть возведены к греческим начертаниям. Так, одно из указанных начертаний буквы с не встречается в кириллических почерках и напоминает ς или ζ, некоторых типов древней греческой письменности. В тексте имеется греческая «дигамма», восходящая к минойской «геме» и встречающаяся также в курсивном маюскуле и римском унциале. Эта буква обозначает, по-видимому, какой-то или какие-то губные звуки, но не *n* и не *m*, так как для обозначения последних употреблены соответственно буквы *n* и *m*. На фотографии указанная буква находится в строке I — № 19, 31, в строке IV — № 5, V — № 5, 29, 40, 51, VI — № 32. Начертания указанных знаков не вполне идентичны, поэтому нет полной уверенности, что во всех этих случаях написана одна и та же буква. Видимо, для буквы в имеется графический вариант, представляющий как бы соединение буквы г нормального размера с наложенной на нее в нижней части небольшой буквой в; при этом совмещены мачты обеих букв. Этот знак имеется в строке I — № 40, II — № 13, 23, VI — № 18, VII — № 17. Буква а пишется, как в латинском курсивном маюскуле, и напоминает начертание со-

временной греческой λ ; буква **га** сохраняет эту особенность начертания. Своеобразна буква **т**: ее переключатель чаще перечеркивает мачту, а не размещается поверх нее. Имеются знаки, не поддающиеся интерпретации: таковы, например, № 10 в строке V и № 8 в строке IX, которые представляют вертикальную черточку, не достигающую до нижнего уровня букв текста, а также совершенно своеобразный знак № 42 в строке II.>>

Здесь Л.П.Ж. пишет: “В графике «дощечки» имеются знаки, которые отсутствуют в кириллице; из них лишь некоторые могут быть возведены к греческим начертаниям.” Здесь “отсутствуют в кириллице” явно не значит, что это какие-то вообще несуществующие буквы, но они не существуют в кириллице (т.е. церковнице) в таких графических вариантах. Она тут же поясняет, какие именно: “одно из указанных начертаний буквы **с** не встречается в кириллических почерках и напоминает ς или ζ , некоторых типов древней греческой письменности”. Это говорится о варианте с хвостиком,гибающимся вниз и влево. Если иметь в виду вариант **с** или **С**, то это так. Если же это **Ѕ** или другое фигурное начертание, то хвостик уже начинает просматриваться и этот вариант действительно напоминает вариант греческой “сигмы”, употребляющийся на только конце слова (ς).

Далее Л.П.Ж. пишет, что “в тексте имеется греческая «дигамма»...” и поясняет, что “эта буква обозначает, по-видимому, какой-то или какие-то губные звуки”, и далее, столь же замысловато, методично приводя номера строк и знаков, где встречается указанная буква. И хотя она пишет, что “нет полной уверенности, что во всех этих случаях написана одна и та же буква”, тем не менее, тут же делает вполне правильный и обоснованный вывод, что “видимо, для буквы **в** имеется графический вариант, представляющий как бы соединение буквы **г** нормального размера с наложенной на нее в нижней части небольшой буквой **в**; при этом совмещены мачты обеих букв”. То есть, Лидия Петровна вполне распознала несколько вариантов буквы “б” влесовицы.

Далее Л.П.Ж. пишет: “Имеются знаки, не поддающиеся интерпретации: таковы, например, № 10 в строке V и № 8 в строке IX, которые представляют вертикальную черточку, не достигающую до нижнего уровня букв текста, а также совершенно своеобразный знак № 42 в строке II”. Знак № 10 в строке V действительно довольно сложен для интерпретации. Три варианта кажутся довольно-таки равноправными. Во-первых, эта черточка может быть просто опиской, а последующий знак представляет собой, в этом случае, неотчетливую первую букву слова ($\epsilon\theta$), частично стершуюся, либо небрежно написанную. Во-вторых, эта черточка может быть хвостиком буквы **ъ**, а следующий знак в таком случае представляет собой стершуюся или непрописанную часть этой буквы. И тогда этот фрагмент будет иметь форму $\rho\Delta\ \epsilon\theta$, а не $\rho\Delta\ \epsilon\theta$, как в первом случае, но смысла это никак не меняет — “род его”. В-третьих, эта черточка может быть недописанной буквой **л**, а последующий знак в таком случае будет стершейся или непрописанной буквой ϵ , а смысл фрагмента ($\rho\Delta\ \epsilon\theta$) и в этом случае останется прежним — “род его”.

Второй случай вертикальной черточки, № 8 в строке IX, несколько мудренее. Прежде всего, “вертикальная черточка, не достигающая до нижнего уровня букв текста” — девятый, а не восьмой знак, и это наводит на мысль, что восьмой знак ею прочитан полностью, включая и длинную вертикальную черту слева от черточки, но то, что она пишет в статье, видимо, рассчитано на “компетентные органы”, которые не станут особо углубляться в подсчет знаков. Что знак ею прочитан, подтверждает наличие в тексте таких же вертикальных черточек, о которых она никак не упоминает, например, восьмой знак первой строки, а также множество других аналогичных случаев, где эта черточка — правый элемент буквы “г” (Γ).

Третий “не поддающийся интерпретации” знак — уже рассматривавшаяся выше буква — “щ” в слове Бѣщ, написанная под углом к несущей линии. Разумеется, такой ее вид крайне необычен для средневековых русских и церковнославянских рукописей, когда писали уже не под строкой, а над нею. Таким образом, то, что эти три знака квалифицируются Л.П. Жуковской как “не поддающийся интерпретации”, явно рассчитано на “проверяльщиков”, не вполне ориентирующихся в палеографии, а не на тех, кому это понятно, либо, после некоторого размышления, станет понятно. А значит, А. Асов и, по его словам, Б. Яценко правы, считая, что Л.П. Жуковская в неподдельности текста не сомневалась.

Далее Л.П.Ж. пишет: <<Таким образом, графика «дощечки», имея некоторые особенности кириллицы, не столь совершенна при передаче звуков славянской речи и в ряде черт приближается к другим древним алфавитам.>>

Что касается “несовершенства” графики ВК можно подчеркнуть, что, кроме необычного написания диграфа ѿ, остальные буквы вполне распознаваемы и, по сути, те же, что и в церковнице, за вычетом букв греческих, а также, что Лидия Петровна все буквы ВК вполне распознала, но выводы ее анализа должны были быть вполне определенными. Но и данный “обтекаемый” абзац также никак не намекает на поддельность.

Далее Л.П.Ж. пишет: <<П а л е о г р а ф и я . Как известно, метод палеографического анализа состоит в сопоставлении неизвестного материала с известным, территориально приуроченным и датированным. Поэтому при палеографическом анализе рассматриваемого памятника, который объявляется древнейшим, исследователь не может опираться на твердые данные палеографии, и приметы ранней кириллицы могут представлять лишь косвенное доказательство. Специфичными в этом плане являются буквы ρ, χ, ѣ, расположенные в строке и не выходящие в межстрочные поля. Однако буквы ѣ и ρ при этом иногда значительно наклонены вправо, выполнены небрежно, как это свойственно новейшим почеркам, имитирующим печатные буквы. Буква щ в некоторых случаях также размещена в строке, что присуще наиболее древним почеркам кириллицы. Древними являются симметричное ж и буква м с овалом, провисающим до середины высоты буквы, что сближает ее с соответствующей буквой в Надписи царя Самуила 993 г. За древность говорит так называемое «подвешенное» письмо, при котором буквы как бы подвешиваются к линии строки, а не размещаются на ней. Для кириллицы эта черта неспецифична, она ведет, скорее, к восточным (индийским) образцам. В тексте сравнительно хорошо выдержана сигнальная линия, проходящая у всех знаков по середине их высоты, что является свидетельством в пользу наибольшей возможной древности кириллического памятника.>>

Здесь Л.П.Ж. вполне справедливо пишет: “...метод палеографического анализа состоит в сопоставлении неизвестного материала с известным, территориально приуроченным и датированным. Поэтому при палеографическом анализе рассматриваемого памятника, который объявляется древнейшим, исследователь не может опираться на твердые данные палеографии, и приметы ранней кириллицы могут представлять лишь косвенное доказательство.” Весьма справедливо, именно поэтому. И именно это место в статье Лидии Петровны совершенно однозначно говорит за то, что некоторые выводы из ее анализа текста дощечки 166 были ей “подсказаны”, но, поскольку, как она сама обращает внимание читателя на это, такой анализ, где исследователю не на что опереться, т.к. других текстов такого же возраста не имеется, с этой точки зрения неправилен (хотя бы отчасти), а выводы о подложности недействительны.

Далее Л.П.Ж. сравнивает графику букв ВК с графикой известных ей древних рукописей и дает полностью доказательное свидетельство древности исследуемого текс-

та: “за древность говорит так называемое «подвешенное» письмо”. Но, с другой стороны, видимо, из того, что ей известно из палеографии, Л.П.Ж. делает вывод, что “для кириллицы эта черта неспецифична, она ведет, скорее, к восточным (индийским) образцам”. Но, возможно, ей был известен и труд В.В. Болотова, где говорится:⁶ “Большинство древнейших рукописей писаны на пергамене. ... Пергамен имеет линии, проведенные ножом, по которым писали так, что они были вверху букв: “ $\overline{АВУД}$ ”. Пергамен, в котором буквы пишутся над строкой-линией, более позднего происхождения”. Это очень важное свидетельство, т.к. оказывается, что до определенного времени, здесь им конкретно не оговариваемом, вообще все писали под строкой. (Причем линии, проводимые ножом, при репродукции таких рукописей будут либо практически незаметны, либо подретушированы и убраны полностью, с тем чтобы не затенять текста.) Почему затем перешли к привычному теперь письму на строке, В.В. Болотов, к сожалению, не поясняет.

Далее Л.П.Ж. пишет: <<Следует особо отметить, что начертания буквы Δ , представленные на фотографии, соответствуют греческим уставным, а не кириллическим образцам, хотя и те и другие близки между собой. Буква Ψ также больше напоминает некоторые древние начертания Ψ , чем Ψ кириллицы. Своеобразно начертание Ψ с сильно заниженными и разведенными от центра крайними мачтами, что также позволяет сближать его с греческим Ψ , а не только с кириллическим Ψ .>>

Отмечая, что “начертания буквы Δ ... соответствуют греческим ..., а не кириллическим, хотя и те и другие близки между собой”, Л.П.Ж. имеет в виду отсутствие “ножек” у буквы Δ влесовицы, представляющей собой просто треугольник и действительно соответствующей греческой “дельте” (Δ). Далее она рассматривает букву Ψ , которая, по ее мнению, приведенному выше, “соответствует двум кириллическим буквам — Ψ и Ψ ”. А в данном абзаце Л.П.Ж. пишет, что она “больше напоминает некоторые древние начертания Ψ (т.е. греческой “пси”), чем Ψ кириллицы”. С точки зрения графики это выглядит справедливым, но на самом деле это буква “ч” (Ψ), а не “щ”, которая в тексте дощечки 16б, как это выше отмечалось, пишется с разворотом от несущей линии. Далее Л.П.Ж. отмечает, что “своеобразно начертание Ψ с сильно заниженными и разведенными от центра крайними мачтами”. Эта особенность объясняется письмом не на строке, а под строкой, т.к. иначе все три вертикали этой буквы соединились бы с несущей линией. О графических особенностях Ψ уже говорилось выше; конечно, кроме того, они могут быть объяснены своеобразием почерка писавшего.

Далее Л.П.Ж. пишет: <<Таким образом, данные палеографии хотя и вызывают сомнения в подлинности рассматриваемого памятника, в то же время и не свидетельствуют прямо о подделке. Но при этом необходимо учитывать, что без сопоставимого материала⁷ палеография бессильна. Да и сама фотография сомнительна, так как является снимком не с оригинала (хотя бы и поддельного), а с прориси⁸ или с копии, в результате чего начертания огрублялись и изменялись в лучшем случае дважды (при изготовлении прориси или бумажной копии и при фотографировании, в процессе которого была допущена ретушовка). Поэтому окончательные данные могут быть получены только в результате лингвистического анализа, для которого исследователь имеет твердые факты.>>

⁶ Цитируется по: Болотов В.В. Собрание церковно-исторических трудов. Т. 2: Лекции по истории древней церкви. Введение в церковную историю. — М.: Мартис, 2000. — XIV, 306 с. — *НС*.

⁷ Исправлено, было “материла”. — *НС*.

⁸ Исправлено, было “прописи”. — *НС*.

В вышеприведенном анализе никаких основательных сомнений “в подлинности рассматриваемого памятника” высказано ею не было. Также приводимые далее оговорки, что “сама фотография сомнительна” и что “окончательные данные могут быть получены только в результате лингвистического анализа” сводятся на нет при учете того, что и лингвоанализ бессилен, ибо не может дать необходимой доказательности — по той же причине, что и палеография, т.е. в силу отсутствия “сопоставимого материала”. Поэтому приводимый далее анализ орфографии и языка выглядят почти как простая отписка.

Далее Л.П.Ж. пишет: <<О р ф о г р а ф и я и я з ы к . Анализ графики и палеографии показал, что если «дощечка» подлинна, то ее следует датировать периодом до того времени, когда основным алфавитом у славян стала кириллица, т. е. периодом до X в. В этот период предкам всех славянских языков (вопроса о конечной стадии общеславянского языка мы намеренно здесь не касаемся) были свойственны открытые слоги, носовые гласные, особые фонемы *ě*, *ь*, *ь* и другие черты фонетики и морфологии, позднее исчезнувшие или изменившиеся в отдельных славянских языках. Орфография «дощечки» не позволяет выявить судьбу этимологических редуцированных, так как для нее характерен пропуск букв, обозначающих гласные звуки вообще, а не только редуцированные в том или ином положении (это позволяет сблизить письмо «дощечки» с семитскими системами письма). Лишь написания *вѣждѣ* — IX строка и *дѣ* — IX строка с буквой *ѣ* (т. е. *ѣ*) на месте этимологического *o*, если они интерпретированы нами правильно, указывают на близость звуков *ь* и *o*, что для IX — X вв. нереально.>>

Здесь прежде всего следует задаться вопросом, правомерно ли говорить об орфографии — т.е. правописании — для периода, когда все писали так, как говорили. Также вряд ли правомерно анализировать язык, который, как Л.П.Ж. здесь же признает, правда с оговоркой, “если «дощечка» подлинна”, все-таки “следует датировать периодом ... до X в.”, — так правомерно ли сравнивать его с языком значительно более поздним, тем более, что в предыдущем (!) абзаце она прямо говорит об отсутствии сопоставимого материала. Таким образом, самый заголовок данного раздела статьи недвусмысленно свидетельствует в пользу мнения, что данный анализ орфографии и языка намеренно (хотя и не полностью) фиктивен.

Далее Л.П.Ж. упоминает здесь некие черты якобы всех славянских языков, которые — что как аксиома принято в славистике — были им в тот период свойственны и которые считаются не только характерными, но и ключевыми в разрешении данного вопроса. Так продолжает считаться до сих пор, как бы по традиции, хотя подобные взгляды разделяются не всеми учеными. Разумеется, на огромной территории расселения славян (Восточная Европа и, по крайней мере, половина Западной) не могли не существовать диалекты, но, конечно же, не вполне те, что в более позднее время. Этот вопрос несомненно требует более пристального и полного рассмотрения, особенно имея в виду продолжающееся развитие лингвистических наук и нахождение новых фактов, и надеюсь, это будет в дальнейшем произведено.

Итак, каковы же эти черты? Это, в частности, “особые фонемы *ě*, *ь*, *ь*”. Лингвистами, путем взаимного сравнения современных славянских языков с церковнославянским (по традиции называемым до сих пор старославянским) и среднерусским (называемым до сих пор также по традиции древнерусским), выяснено, что так называемые “гласные неполного образования” или “сверхкраткие”, или “редуцированные”, или, как они здесь названы Л.П.Ж., “этимологические редуцированные”, *ь* и *ь* означали некие краткие, редуцированные (ослабленные) гласные, первый — с некоторым качеством звука “o”, второй — с некоторым качеством звука “e” или “и” (среднего подъема переднего

и непереднего образования). Теперь попытаемся выяснить, почему автор пишет, что “орфография «дощечки» не позволяет выявить судьбу” этих гласных. Считается, что так называемое падение редуцированных, или их утрата, во всех славянских языках произошло (неодновременно) в X—первой половине XIII вв. н.э. Под утратой понимается как их исчезновение, так и их изменение в гласные полного образования — разные в разных славянских языках. Не будем здесь касаться других славянских языков, но, например, даже Афанасий Никитин в «Хождении за три моря» пишет **ърда** (!), имея в виду “орда” (наряду с тем же словом, написанным “правильно”, через **о**), и таким образом очевидно, что еще в XV веке буква **ър** (“ер”) явно означала гласный, существовавший в живой речи — и отчетливо распознаваемый как таковой, иначе **ър** не был бы написан Никитиным вместо **о**. Поэтому, если близость звуков **ър** и **о** (фактически, с этой точки зрения можно сказать, что они являются двумя вариантами одной фонемы) была реальной для носителей языка XV века, правомерно предположить, что и для IX—X вв. она могла быть реальной.

Вернемся к “особым фонемам ё, ь, ь” и их “утрате” и попытаемся выяснить, особые ли то звуки и исчезли ли они, по крайней мере, из русского? Да, как гласные эти буквы больше в русском алфавите не употребляются, но сами эти звуки никуда не делись, они произносятся в безударных слогах, первый — после твердых согласных, а второй — после мягких, и в фонетической транскрипции русской речи они именно этими буквами и обозначаются. Правда, слависты предупреждают⁹, что редуцированные гласные как гласные в речевом потоке, подвергшиеся редукции (ослаблению) не являются сохранившимися древними редуцированными гласными, а возникли в относительно позднее время в результате смены музыкального ударения динамическим. Предполагается, что музыкальное (тоническое) ударение было во всех славянских языках. В настоящее время, однако, тоническое ударение есть только в сербохорватском и достоверно не известно, было ли оно в других славянских. Редукции гласных в безударных слогах в нем и правда нет. Но в подавляющем большинстве остальных славянских¹⁰ (кроме русского, белорусского и, почему-то, словенского) такой редукции также нет. Видимо, объяснение редукции утратой музыкального ударения не годится.

Что же касается “особой фонемы ё”, т.е. звука, обозначавшегося буквой ѣ (“ять”), которая писалась лишь в сугубо определенных словах, и их в последнее время употребления этой буквы требовалось заучивать наизусть, а произносился ять так же, как и буква “е”, что и явилось причиной удаления его из алфавита в 1919 году. Ученые, однако, предполагают, что в древности эта буква обозначала некий особый звук. Они обозначают его знаком “ё”, считая, что “ять” обозначал «звук дифтонгического происхождения, вроде долгого “е” или дифтонга “ие”, в отличие от краткого “е”». Оправдание написания в одних словах “ятя”, а в других “е” (практически в равнозначных позициях) базировалось на изучении древних текстов и сравнении проблематичных в смысле написания “ятя” русских слов с родственными словами других славянских языков. И это как бы дало ученым право говорить об «этимологически правильных написаниях» “ятя”. Во-первых, на самом деле буква ѣ

⁹ Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990. С. 408—409. — *НС*.

¹⁰ Из семнадцати ныне существующих, с востока на запад: русский, белорусский, украинский, русинский, польский, полабский, кашубский, словинский, словацкий, чешский, верхний лужицкий, нижний лужицкий, болгарский, македонский, сербский, хорватский, словенский. (Ни в «Лингвистическом энциклопедическом словаре», ни в других советских и постсоветских словарях, учебниках и справочниках русинского языка нет. Странное дело — народ есть, а языка нет, но только в нашей многострадальной стране. Последнее время их называют “этническими украинцами” — и что бы это должно означать?.. Кстати, о полабском этот словарь говорит как о вымершем в XVIII веке...) — *НС*.

(“ять”) обозначает звук [æ]. В отличие от ъ (“ерь”), узкого гласного среднего подъема, ъ — широкий гласный, что подтверждается его наличием в некоторых современных русских говорах, где произносится, например, практически почти “сясти”, “лячи” (“сѣсти”, “лѣчи”), т.е. “сесть”, “лечь”. В живой (недиалектной!) русской речи звук, исконно обозначавшийся ятем, тоже остается — и как раз там, где он не писался “по правилам”, т.е. между мягкими согласными, обозначаясь в таких позициях буквой **я**. Вот, например, “ключевое” слово: “пять”. Что в нем нормально не произносится обычное **а**, становится очевидно, если произнести это слово, протягивая гласный, при этом не стараясь специально, чтобы этот звук “съезжал на **а**”. В транскрипции это выглядит так: [п’æт’]. Таким образом очевидно, что звук, обозначаемый буквой “ъ” и до сих пор является фонематическим вариантом **а** и обозначается, в позициях не на конце слова, буквой “я”. Но, поскольку фонетическая система русского языка, по сравнению с ситуацией, бывшей тысячу лет назад, изменилась, ять теперь появляется не в тех положениях, что тогда.

Вот такова “судьба” “этимологических редуцированных” и “этимологического” же ятя.

Также Л.П.Ж., отметив, что для ВК “характерен пропуск букв, обозначавших гласные звуки вообще, а не только редуцированные в том или ином положении”, делает вывод, что “это позволяет сблизить письмо «дощечки» с семитскими системами письма”. Но, например, В.А. Чудинов полагает, что подобные пропуски гласных — свидетельство влияния открытой им славянской слоговой системы письма. То же самое может объясняться и тенденцией к стяжению (т.е. опусканию гласных в потоке речи) в некоторых древних диалектах, как это наблюдается, например, в сербском, где, по сравнению с русским, многие формы представляются стяженными, либо наличием в них слоговых сонантов.

Этот абзац Л.П.Ж. заканчивает, продолжая тему о “судьбе этимологических редуцированных”, так: “Лишь написания **вѣждѣ** — IX строка и **дѣ** — IX строка с буквой **ѣ** (т.е. **ѣ**) на месте этимологического **о**, если они интерпретированы нами правильно, указывают на близость звуков **ѣ** и **о**, что для IX — X вв. нереально”. В самом начале моего анализа данной статьи указывалось, что отождествление **ѣ** как **ѣ** ошибочно (или же это так здесь представлено, т.к. следует обратить внимание на оговорку автора: “если они интерпретированы нами правильно”), и что на самом деле это — буква **ѣ** (т.е. **о**) и приводимые Л.П.Ж. примеры на самом деле — **вождѣ** и **дѣ** и читаются **ВОЖДЫ** и **ДО**. Что же касается чрезвычайной близости звуков **ѣ** и **о**, то это подмечено ею верно.

О носовых гласных будет сказано при рассмотрении следующего абзаца.

Далее Л.П.Ж. пишет: <<Примерами, характеризующими носовые, по-видимому, могут быть следующие: **менж** — II, IV строки, **грѣнде** или **грѣнде** — VI при **грѣдѣѣм** — VIII в том же корне, **слвен** — IX, **пршен**, **дцен** — X (если здесь действительное причастие глаголов IV класса), **женѣ** — III, **млвоѣ** или **млвоѣ** — V (понимание слова зависит от того, как читать дигамму), **се** — VII, VIII, **молѣ** — IV, **наша** — VIII строка (если это вин. падеж мн. числа). Вряд ли этот материал показывает, что писавший текст не умел обозначать носовые. Скорее, можно полагать, что он вообще не имел их в своей речи. Ни один из славянских языков в указанное время не мог иметь подобный комплекс черт, характеризующих этимологические носовые. Картина здесь представлена следующая: 1) уже начался процесс деназализации, в ходе которого **ѣ** совпадало с **у**, а **ѣ** — с **е** (т.е. как позднее в сербском); 2) в положениях, где носовые сохранялись, они акустически и артикуляционно близки; ср. **менж** и **грѣнде** (т.е. как позднее в польском); 3) процесс деназализации начался с отдельных слов, корней и форм, причем в других корнях и глагольных формах носовые гласные задерживались.>>

Здесь Л.П.Ж. пишет: “Ни один из славянских языков в указанное время не мог иметь подобный комплекс черт, характеризующих этимологические носовые”, но не уточняет, что так представляет эту ситуацию современная наука, поскольку, видимо, это специалистам и так ясно. Наука выстроила как бы стройную картину того, “как это происходило”. Однако, процесс этот просто не может быть отслежен и документально подтвержден во всей своей полноте ни для имеющихся польских и сербских источников, ни, тем более, для более раннего времени, о котором наука письменных памятников не имеет. Но описание картины с носовыми в тексте дощечки (независимо от того, что некоторые из приводимых ею здесь слов распознаны неверно) дается Л.П. Жуковской точно.

Следует обратить внимание, что из приводимых ею примеров **свѣн** на самом деле — фрагмент слова **БЛГШВѢН**, и это не глагол мн. ч., а причастие, и носового здесь нет и “этимологически” не предполагается. Также не зря ею сделана оговорка “если здесь”, при рассмотрении выделенных, ею же (?), фрагментов **пршен**, **дѣен**, “действительное причастие глаголов IV класса”, поскольку на самом деле этот фрагмент следует разбить таким образом: **ПРШ** (НДШѢ, и здесь, в начале второго слова, носовой появляется из-за слияния **ПРШ** (“прочь”) и **Ш(НДШѢ (/ДШѢ)**, что фонетически может давать и **ѣДШѢ <*(Δ)ТІ>**, т.е. это *прич. наст. вр. мн. ч.* “шедшие”; “ушедшие”.

Далее Л.П.Ж. приводит несколько примеров с оговоркой, “если это вин. падеж мн. числа”: **жену...**, **млвоу...**, **се...**, **мола...**, **наша**. Во-первых, **се**, конечно, выпадает из этого списка, т.к. это не “вин. падеж мн. числа”, а возвратная частица, хотя, по академическим правилам, в ней, как и в остальных словах этого списка, тоже должен бы быть носовой, но, например, сербы вообще эту частицу произносят и пишут “са”. Конечно, может последовать возражение, что это современный сербский; да, современный, но ведь никто с уверенностью не может отрицать наличие такого произносительного варианта в древности. Во всяком случае, этот случай не свидетельствует в пользу гипотезы о фальсификации.

Совершенно очевидно, что анализ Л.П.Ж. проводила очень серьезно, о чем свидетельствует правильное вычленение ею слов **грѣнде** и **грѣдехѣм** и распознавание того, что слова эти однокоренные и она, видимо, считает, что во втором случае отсутствие **ен** в корне может говорить по крайней мере об ошибке. Однако можно предположить, что в первом случае первый гласный под ударением, а во втором ударение смещено на второй слог, в связи с тем что это — другая видо-временная форма глагола, и это может быть подтверждено параллелями в других славянских языках, когда именно смещение ударения дает различие смысла при (почти) графически одинаковых словоформах; аналогичным же образом, смещение ударения может воздействовать и на произношение носового, который в такой слабой позиции может терять свой носовой призвук.

Закончить обзор носовых можно подтверждением, что выводы, которые делает здесь Л.П.Ж., вполне справедливы и, видимо, верно отражают ситуацию: “1) уже начался процесс деназализации... [или, по крайней мере, имел место, т.к. в текстах ВК имеются фрагменты, позволяющие сделать предположение, что процесс этот мог быть не только не однократным, но в определенных случаях могла происходить и обратная назализация]; 2) в положениях, где носовые сохранялись, они акустически и артикуляционно близки...; 3) процесс деназализации начался с отдельных слов, корней и форм, причем в других корнях и глагольных формах носовые гласные задерживались”. Скорее всего, реальная ситуация была еще более сложной, чем здесь кратко описано Лидией Петровной, но — и эти выводы против подлинности ВК не свидетельствуют.

Далее Л.П.Ж. пишет: <<Буква **ѣ** в соответствии с этимологией написана в словах: **прѣще** — V, **имѣмѣ** — VIII, **нѣнѣ** — IX и, возможно, **оупѣха** — IV строка; буква **ѣ** вместо **е** написана: **вѣнѣврѣнѣ** — II, **вѣ блгадрѣ**¹¹ — II, **рѣѣмѣ** — VIII, **о кудѣснѣцѣ**¹² — X строка; буква **е** вместо **ѣ** написана в следующих случаях: **имемѣ** — VII, **векѣ а дѣ векѣ** — IX, **мвѣ** (или **мвѣе**) — V, **прѣне** — IX, **врѣет се** — X строка; буква **ѣ** вместо **ѣ** пишется в слове **вѣ** — 4 раза и, возможно, в других случаях, более сомнительных. Написание **ѣ** вместо **ѣ** еще можно было бы объяснить для более позднего периода, если видеть в авторе восточного болгарина; но написание **е** на месте этимологического **ѣ** для этого периода объяснено быть не может. Совмещение в одном памятнике, причем памятнике оригинальном, указаний на закрытое и одновременно на открытое произношение звука, восходящего к **ѣ**, а также этимологически правильных написаний свидетельствует против его достоверности.>>

А здесь мы читаем, что, в результате анализа употребления буквы **ѣ** на соответствие этимологии, Л.П.Ж. приходит к парадоксальному выводу, что “совмещение в одном памятнике, причем памятнике оригинальном, указаний на закрытое и одновременно на открытое произношение звука, восходящего к **ѣ**, а также этимологически правильных написаний свидетельствует против его достоверности”. Парадоксальность этого вывода, в частности, в том, что даже в древнейших церковнославянских памятниках встречаются случаи употребления **е** на месте **ѣ** и наоборот. Но, если уже до начала анализа текста имелось мнение (и мнение высоких инстанций) о фальсифицированности памятника, то подобные выводы не только неизбежны, но просто однозначно должны присутствовать в данной статье.

Все-таки вряд ли разумно считать что то, что “объяснено быть не может”, “свидетельствует против ... достоверности”. Ведь истины в последней инстанции ни в какой области знания не знает никто, и нечего стесняться своего незнания или даже бояться обнаружения этого — сегодня мы чего-то не знаем, но надо надеяться и стремиться к тому, чтобы узнать. Другое дело, если выводы и утверждения мотивируются не соображениями научного познания...

Далее Л.П.Ж. пишет: <<Известному факту мягкости шипящих и **ц** в указанный период противоречат написание **кудѣенѣцѣ**¹³ — X с окончанием **ѣ** вместо **и** в им. падеже мн. числа, **вѣждѣ** — IX с окончанием **ѣ** вместо буквы, обозначавшей **ѣ** в вин. падеже мн. числа (если здесь не форма им. падежа ед. числа, так как можно читать **славен вѣждѣ**¹⁴ «славящий вождей» и **славен вѣждѣ** «славен вождь»). Как бы ни интерпретировать приведенные примеры, очевидно, что употребление после мягкого звука **жд'** или **ж'д'ж'**, образовавшегося из сочетания ***dj**, и после мягкого **ц'** букв, обозначавших **ы** и **ь**, в то время как здесь были совсем иные фонемы **и** и **ь**, является доказательством подложности текста.>>

Здесь аналогичный вывод о подложности на основе того, что, якобы, “в то время” ... “здесь были совсем иные фонемы”. Ответ такой же: основываясь на церковнославянских образцах, анализировать нецерковнославянский текст по меньшей мере некорректно. При том можно заметить, что периодическое изменение отвердения—смягчения шипящих в русском наблюдается даже в новое время. По крайней мере, как становится ясно при внимательном чтении литературы того времени, вплоть до конца

¹¹ Неверно, на самом деле должно быть **блг а двѣѣ**. — *НС*.

¹² Исправлено, было **кудѣенѣшѣ**, явно опечатка при современном наборе. — *НС*.

¹³ Исправлено, было **кудѣенѣшѣ**, явно опечатка при современном наборе — *НС*.

¹⁴ Исправлено, было **вѣцѣдѣ**, явно опечатка при современном наборе. — *НС*.

XIX века (возможно, даже и несколько дольше) в современном русском **ч** произносилось твердо (сейчас только мягко), **ш** — довольно-таки смягченно, а **щ** — как смягченное **ш'ч'** (“шьчь”). До сих пор существуют такие областные произносительные варианты, но это сейчас диалектизмы. Почему же аналогичных диалектизмов не могло быть тысячу лет назад? Таким образом, и здесь ничто не противоречит неподдельности текста Влескниги.

Далее Л.П.Ж. пишет: <<Обращают на себя внимание совершенно невозможные формы: **два дцре** — III строка вместо **двѣ** в им.-вин. падеже дв. числа; употребление 2-го лица ед. числа сигматического аориста **имаста она** — III, где в повествовании о третьих лицах должна быть употреблена форма 3-го лица; неправильные формы вин. падежа, следующие за указанной формой глагола: **сктї а краве** | **мнга овнѣ**¹⁵ — III вместо ожидаемых: **сктѣ а кравѣ** | **мнгѣ овнѣ**, а также **мола бзи** вместо **мола бгѣ** — IV/V строки; не может быть отнесена к IX—X вв. форма действительного причастия **лмци** — III в им. падеже ед. числа муж. рода вместо **лмѣ** или **лмѣ**. Мы не рассматриваем другие сомнительные факты морфологии, поскольку нет полной уверенности в правильном прочтении текста, многие места которого совершенно непонятны и не могут быть интерпретированы даже с натяжками, как это, возможно, было допущено выше.>>

По поводу “совершенно невозможных форм” “**два дцре**” вместо “**двѣ дцре**” можно сказать, что и до сих пор можно услышать “невозможные” формы вроде довольно частого “обоими дочерями” — как и, более редкое, “двоима дочерьмя” — вместо правильного “обеими дочерьми” и “двумя дочерьми” — но ведь народ так говорит, и, если бы последние пару сот лет (или правильнее “сотен лет”?) не учили, что так неграмотно говорить — тем более писать, то до сих пор так и писали бы.

Да, **имаста она** — 2-е лицо ед. числа сигматического аориста, как считает по своей схеме строения древнерусского и церковнославянского современное языковедение, но во Влескниге формы на -ста довольно часто по контексту имеют значение множественного числа. Если люди тогда так говорили и писали (и если мы правильно поняли этот текст), то так оно и было, независимо от академических стройных схем. Как пример, можно упомянуть, что в ведийском санскрите (в отличие от нормализованного классического санскрита) многообразие глагольных форм настолько велико, что некоторые из них встречаются во всем массиве ведийских текстов по одному-два раза. Кстати, пословная разбивка **имаста она сктї а краве** | **мнга овнѣ** не вполне верна, этот фрагмент следует читать как **лмаста она сктїа – краве** | **мнга овнѣ** и форма **лмаста** может иметь смысл двойственного числа, означая благого мужа и его жену, т.к. ведь именно они были владельцами многого скота.

Почему вместо **бзи** должно быть непременно **бгѣ**, непонятно — ведь даже до сих пор в украинском **друг—друзі**, аналогично может быть и **бог—бозі**. Видимо, считается, что **бзи** — только именительный падеж, а **бгѣ** — винительный, но, кроме того, в тексте ПВЛ (6579/1071) встречается неоднократное употребление именно формы **бози**, как в именительном, так и в других падежах.

Также почему-то, по мнению руссковедов, “не может быть отнесена к IX—X вв. форма действительного причастия **лмци** — III в им. падеже ед. числа муж. рода вместо **лмѣ** или **лмѣ**”. К каким векам может быть отнесена форма **лмци** (или **лмѣ**), автор не сообщает.

¹⁵ Исправлено, было **овнѣ**, явно опечатка при современном наборе. — *НС*.

Завершает этот абзац Л.П.Ж. признанием, что все-таки “нет полной уверенности в правильном прочтении текста, многие места которого совершенно непонятны и не могут быть интерпретированы даже с натяжками”.

Тем не менее, далее Л.П.Ж. пишет: <<Таким образом, данные языка не позволяют признать текст «дощечки», изображенной на фотографии, древним, а самый памятник — предшественником всех известных славянских древних рукописей. Не является «дощечка» также и более поздним памятником, написанным после распространения кириллицы у славян. Рассмотренный материал не является подлинным.>>

Кажется странным, ведь в начале статьи Л.П.Ж. писала, что “за древность говорит так называемое «подвешенное» письмо” и “выдержана сигнальная линия ... что является свидетельством в пользу наибольшей возможной древности кириллического памятника”, а тут — “данные языка не позволяют признать текст ... древним”... Но конечно, ведь заказчики статьи дали ей установку, какими должны быть окончательные выводы анализа.

И далее Л.П.Ж. (а может, и не она?..) заканчивает статью совершенно неожиданно:

<<Содержание «дощечек», язык и письмо их, а также имя Влес (Велес) позволяют предположить, что указанные «дощечки» являются одной из подделок А. И. Сулакадзева,¹⁶ возможно, именно теми буквыми дощечками, которые уже более ста лет назад исчезли из поля зрения исследователей. В рукописи А. И. Сулакадзева «Книгорек» (т. е. каталог) имеется следующее указание на дощечки, находившиеся в его собрании: «Патриарси на 45 буквых досках Ягипа Гана смерда в Ладогe IX в.»¹⁷ И. И. Срезневский писал: «Салакадзев, упоминаемый в письме Востокова к графу Румянцеву, издавна собирал рукописи, которые еще и недавно были в распродаже у ветошников, и, как оказалось, многое подделывал и в них, и отдельно. В подделках он употреблял неправильный язык по незнанию правильного, иногда очень дикий».¹⁸>>

Неожиданно здесь именно появление Сулакадзева. Ведь, как мы видели, только что разобрав статью Л.П.Ж. очень детально, что не только “содержание «дощечек», язык и письмо их, а также имя Влес (Велес)” несколько не намекают на “одну из подделок А. И. Сулакадзева” — во всей статье о Сулакадзеве вообще не было даже и намека, но, видно, если вывод должен быть именно таким, пусть он и неожидан, нелогичен и даже абсурден, то он таким и будет, а к выводам анализа Сулакадзев может быть пристегнут чисто механически. Но этой механистичности, похоже, авторы статьи не видят, для них, видимо, главное не доказательность, а то, что Сулакадзев, “как оказалось, многое подделывал”, а раз “Салакадзев, упоминаемый в письме Востокова к графу Румянцеву”, как пишет в своем частном письме Востоков (настоящая фамилия которого Остенек) “употреблял неправильный язык по незнанию правильного, иногда очень дикий”, то ведь и Л.П. Жуковская (правда как-то нехотя, как бы вынуждено — да и она ли лично? — уж очень очевидны натяжки) пишет, что язык ВК содержит даже “невозможные формы”, а кое-что и “объяснено быть не может”, так что, под *таким* углом зрения, *такое* заключение в чем-то даже и логично...

¹⁶ См.: *Сперанский М. Н.* Русские подделки рукописей в начале XIX века. (Бардин и Сулакадзев) // Проблемы источниковедения. М., 1956. Вып. V. — Прим. к «Что думают — 2004».

¹⁷ Там же. С. 101. — Прим. к «Что думают — 2004».

¹⁸ «Переписка А. Х. Востокова в повременном порядке с объяснит, примеч. И. Срезневского» // Сб. ОРЯС, 1873. Т. V, вып. 2, С. 412. — Прим. к «Что думают — 2004».